

Страна победившего милитаризма

Последние три года стали периодом военных побед, по которым, как оказалось, чрезвычайно скучали российские граждане. Время побед началось в феврале 2014-го, когда “вежливые зеленые люди” заблокировали здание местного парламента в Крыму, перерезали все транспортные коммуникации, связывавшие полуостров с Украиной, и окружили пункты дислокации украинских войск. Когда спустя год президент Путин¹ признал факт участия российских войск в “возвращении” Крыма, он объяснил, что целью операции было обеспечить свободу волеизъявления тамошних жителей. На самом деле вежливые люди помогли десятку парламентариев², которым было разрешено войти в здание Рады, принять решение о референдуме и сформулировать правильные вопросы для жителей полуострова. Уже тогда наблюдатели отметили значительные изменения, произошедшие с российской армией со времени победной войны с Грузией в 2008 году.

Операцию в Крыму проводили отлично экипированные, дисциплинированные, трезвые бойцы, которые были неплохо подготовлены к выполнению своей миссии. Еще более впечатляющим стало внезапное развертывание войск на российско-украинской границе в конце февраля 2014 года. Если в 1999 году Генштабу потребовалось больше двух недель, чтобы сформировать и направить два батальона десантников в Дагестан, куда прорвались тогда чеченские боевики, то спустя 15 лет в течение полутора суток на границу было переброшено свыше 40 тыс. военнослужащих.

Затем последовали “победы” под Мариуполем и в Дебальцево в ходе гибридной войны на Донбассе, которые логично перетекли в эффективное появление российских самолетов и систем ПВО в Сирии. Стремясь выйти из международной изоляции, вызванной действиями на Украине, Кремль объявил о намерении начать вооруженную борьбу с мировым терроризмом в Сирии. Российские бомбардировки привели к тому, что армия Асада, уже дышавшая на ладан, перешла в контрнаступление и осадила второй по значимости город Сирии — Алеппо. Вашингтон был вынужден пойти на переговоры с Москвой о координации действий в Сирии. Таким образом, возродившаяся армия превратилась в важнейший, если не единственный эффективный инструмент внешней политики, а также в существенное подспорье в политике внутренней, резко увеличив общественную поддержку президента.

Внезапно проявившиеся военные преимущества России основываются на двух качествах. Первое — быстрота принятия решений, которая делает так называемый “угрожаемый период” (когда потенциальный противник может предпринять контрмеры) чрезвычайно коротким. Это прямое следствие режима личной власти — Путин ни с кем не должен советоваться, никого не должен информировать и уж тем более не должен координировать с кем бы то ни было свои действия. Около часа потребовалось Совету Федерации, чтобы наделить президента полномочиями по использованию войск на Украине. Мень-

ше десяти минут заняло обсуждение, которое дало “зеленый свет” на операцию в Сирии. Пуски крылатых ракет из акватории Каспийского моря 7 октября 2015 года стали полной неожиданностью для союзников России по ОДКБ.

Второе качество — способность к быстрому развертыванию войск — результат реформ бывшего министра обороны Анатолия Сердюкова. Он смог ликвидировать все части и соединения неполного состава, число которых доходило до 80 процентов общего количества частей и соединений вооруженных сил. Оставшиеся соединения удалось укомплектовать по штатам военного времени. В результате 30–40 элитных бригад и дивизий могут начать действовать уже через несколько часов после получения приказа.

Военные успехи в Крыму и Сирии, довольно скромные по меркам современных армий, позволили Кремлю утверждать, что ответные меры Запада (размещение сил быстрого реагирования НАТО и тяжелой техники в странах Балтии, Польше и Румынии) — свидетельство агрессивных приготовлений против России. В результате в сознании россиян упрочилось представление о собственной стране как об осажденной крепости.

На протяжении последних двух лет военные действия стали привычным ответом Кремля на внешнеполитические вызовы. Российские власти рассматривают противоречия на международной арене через призму якобы существующих у Запада намерений сломать военный паритет, не утруждая себя доказательствами того, что такие намерения присутствуют на самом деле. Так, аннексию Крыма и развязывание секретной войны на Донбассе Москва оправдывает стремлением воспрепятствовать осуществлению якобы имевшихся у НАТО планов разместить свои базы на Украине. Даже в условиях экономического кризиса каждый пятый рубль государственного бюджета расходуется на военные цели. Вопреки мировому опыту руководители страны уверяют, что развитие военных программ приведет к технологическому рывку. Так, вице-премьер Дмитрий Рогозин настаивает, что к 2020 году оборонно-промышленный комплекс должен стать драйвером развития экономики РФ³. Под прикрытием борьбы с “агентами Запа-

да” осуществляется подавление гражданских прав и свобод.

С точки зрения современной политологии такое государство можно со всем основанием назвать милитаристским: в основе важнейших политических решений лежат военно-технические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов; общественное мнение отдает предпочтение военному подходу к решению проблем, стоящих перед страной (Герхард Риттер⁴); военные отношения и военные ценности глубоко проникают во все сферы жизни общества (Вилфред фон Бредов⁵); налицо также “склонность высших кругов ... к поиску военных решений политических конфликтов и готовность низших слоев принимать такие решения” (Энтони Гидденс⁶).

Существует принципиальная разница между стремлением укреплять обороноспособность, естественным для крупного государства, и милитаризмом.

Альфред Вагтс в своей “Истории милитаризма” указывает:

“Для военного подхода прежде всего характерно стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы с максимальной эффективностью решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей... Милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру”⁷.

Современное российское государство во многом отвечает этим определениям.

Милитаризм и демография

Милитаристское государство видит в вооруженных силах некую панацею и поэтому ставит перед ними все новые задачи, которые они в какой-то момент оказываются не в состоянии выполнять.

Так, батальонные тактические группы, предназначенные для выполнения боевой

задачи за относительно короткий срок, уже два года находятся на российско-украинской границе. Это совершенно измотало не только их, но и соединения, которые их формировали. Действия России на Украине спровоцировали страны НАТО на размещение военной силы и тяжелой техники в странах Балтии и Центральной Европы (см выше). Теперь логика противостояния требует ответа от Москвы. Уже объявлено о создании трех новых дивизий Сухопутных войск на “западном направлении”. Всего же, если верить публикации в “Независимом военном обозрении”, только в последнее время “появилось восемь новых оперативных объединений (другими словами, армий), более 25 дивизий (общевойсковых, авиационных, ПВО, надводных кораблей), 15 бригад”⁸. Министр обороны Шойгу уже отрапортовал, что с начала 2015 года в Западном военном округе были созданы около 30 соединений и воинских частей. В конце ноября 2015-го министр сообщал, что в Южном военном округе к тому моменту сформировали свыше 15 соединений и частей. В Западном военном округе была воссоздана 1-я танковая армия. При этом, по данным печати⁹, 20-я общевойсковая армия округа фактически была сформирована заново в связи с передачей большей части ее войск в состав 1-й танковой. Не исключено, что новые дивизии и должны составить 20-ю армию.

Однако даже Владимир Путин с Сергеем Шойгу не в силах изменить демографическую ситуацию. По планам Минобороны численность вооруженных сил в 2016 году должна вырасти всего на 10 тыс. военнослужащих. Этого достаточно, чтобы укомплектовать лишь одну дивизию, а не 40 новых соединений. Единственный выход — возвращение к созданию частей и соединений неполного состава, тех самых, от которых успешно избавился Анатолий Сердюков. Такие части могут стать боеготовыми только в результате массовой мобилизации (успех которой вследствие все той же демографической ситуации тоже весьма маловероятен). В результате вооруженные силы будут обречены отказаться от достижений “сердюковской” реформы, которая и принесла им нынешние победы.

Возрождение доктрины “расширенного сдерживания”

При этом уже сейчас для отражения “западной угрозы” приходится ослаблять стратегические позиции там, где военная опасность действительно существует. В начале февраля 2016-го командующий Центральным военным округом генерал-полковник Владимир Зарудницкий заявил, что “201-я военная база будет переведена на бригадный штат”¹⁰. Речь идет о самом крупном российском военном объекте за границей — развернутой в Таджикистане 201-й военной базе, имевшей до недавнего времени дивизионный штат. Более того, еще в апреле 2015 года планы были прямо противоположными. Тогда командир базы генерал-майор Евгений Тубол сообщал, что численный состав базы в ближайшие пять лет будет увеличен в полтора раза — с 5900 до 9000 военнослужащих. Причины вполне убедительные: в Центральной Азии нарастает реальная военная угроза. В Афганистане, который покинули основные силы международной коалиции, антиправительственные силы захватывают все новые районы; часть этих сил объявила о том, что они подчиняются террористическому “Исламскому государству” (запрещенному в России), с которым Россия вроде бы воюет в Сирии. Любое обострение ситуации в центральноазиатских республиках в случае захвата талибами власти в Афганистане неизбежно обернется десятками тысяч беженцев, которые бросятся в Россию. При этом следует иметь в виду, что российско-казахстанская граница, которая гораздо длиннее российско-китайской, существует только на бумаге. В этой ситуации главной задачей российских войск в регионе является обеспечение высадки сил быстрого развертывания ОДКБ. Именно этот сценарий, заметим, отрабатывался в ходе стратегических маневров “Центр-2015”. Но сейчас Москва ослабляет свои военные форпосты, которые должны обеспечить высадку основных сил в случае кризиса. Более того, в западные районы страны с Урала и из Самары были передислоцированы две отдельные бригады, ранее находившиеся в подчинении Центрального военного округа. Скорее всего, эти бригады играли роль

стратегического резерва на случай обострения ситуации в Центральной Азии.

Понятно, впрочем, что этот тришкин кафтан не залатать одними перемещениями войск. По всей видимости, следует ожидать появления “бумажных” кадрированных дивизий, где офицеров будет больше, чем рядовых. В условиях нового военного противостояния с Западом очевидно, что Россия не располагает военным и экономическим потенциалом Советского Союза, которому удавалось довольно долго выдерживать нагрузки холодной войны. В отличие от СССР у России сегодня нет союзников; нынешняя демографическая ситуация не позволяет сформировать многомиллионную армию; российская промышленность не способна осуществлять массовое производство вооружений. Единственный ресурс, который может компенсировать этот дисбаланс, — это ядерный арсенал. Традиционное сдерживание, характерное для холодной войны, строилось на том, что потенциального агрессора удерживала от нападения угроза причинения ему неприемлемого ущерба — то есть гарантированного взаимного уничтожения. Сегодня для того, чтобы решать задачу политического давления на страны Запада, которую Кремль возлагает на свой ядерный потенциал, одной этой угрозы уже недостаточно.

В настоящее время в России происходит возрождение обсуждавшейся в конце 90-х годов доктрины “расширенного сдерживания”, предполагавшей, что сам факт обладания мощным ядерным потенциалом играет определяющую роль в решении любых международных проблем. Россия угрожает использовать ядерное оружие в том случае, если сочтет свои интересы ущемленными. Для проведения такой политики неизбежно требуется регулярно подтверждать готовность применить ядерное оружие. Именно поэтому глава военного ведомства Сергей Шойгу обещает, что российские стратегические бомбардировщики будут регулярно вести “боевое патрулирование” даже в районе Мексиканского залива. Именно поэтому возрождаются самые мрачные сценарии холодной войны. Так, судя по сообщениям печати¹¹, с началом украинского кризиса в Кремле решили напомнить о существовании советской системы “Периметр”,

которая должна запустить российские ракеты в автоматическом режиме, даже если в результате внезапной атаки уничтожены командные центры (на Западе эту систему именуют “Мертвой рукой”). Кремль также допустил “утечку” относительно другой “сверхсекретной” разработки под названием “Статус-6”. Как следовало из кадров совещания у президента, “случайно” продемонстрированных сразу на двух федеральных телеканалах, цель разработки — “поражение важных объектов экономики противника в районе побережья и нанесение гарантированного неприемлемого ущерба территории страны путем создания зон обширного радиоактивного заражения, непригодных для осуществления в этих зонах военной, хозяйственно-экономической и иной деятельности в течение длительного времени”. Из пояснительных надписей на продемонстрированном “слайде” следовало, что секретное оружие представляет собой некую торпеду, которая способна развить скорость в 100 километров в час на глубине в 1000 метров. Для устрашения Вашингтона в Минобороны, по всей видимости, стряхнули пыль с разработок начала 60-х, когда предполагалось нанести удар по американскому побережью мегатонными боеголовками. Как можно видеть, военная машина государства теперь призвана решать задачи, не связанные непосредственно собственно с обороной от реальных угроз. Более того, военные приготовления провоцируют новые угрозы.

Однако ядерное оружие превращается в эффективный элемент политического давления только в том случае, если дополняется безрассудством его владельца. Советский ядерный потенциал был важным инструментом внешней политики, потому что в Вашингтоне допускали, что “кремлевские старцы” безумны и непредсказуемы. Что до Владимира Путина, то он сначала создал себе репутацию вполне рационального человека, а потом стал последовательно разрушать эту репутацию, всячески намекая, что готов в случае необходимости “нажать на кнопку”.

Так, рассказывая в телефильме “Крым. Путь на Родину” о военной операции по присоединению полуострова, Путин заявил, что Россия в тот момент могла привести к боевой

готовности и ядерные силы: “Мы готовы были это сделать. Я же разговаривал с коллегами и говорил им, что это (Крым) наша историческая территория, там проживают русские люди, они оказались в опасности, мы не можем их бросить”¹².

Позже, уже в другом пропагандистском фильме, “Миропорядок”, говоря о пусках крылатых ракет “Калибр”, Путин подчеркнул: у России есть мощное оружие и “есть воля его применить, если это соответствует национальным интересам нашего государства и российского народа”¹³.

К катастрофическому развитию событий может привести даже не намерение предпринять военную агрессию, а стремление оказать давление военными средствами — попросту говоря, напугать оппонента. Именно так началась Первая мировая война. Желая добиться политических целей, противостоявшие друг другу страны объявили всеобщую мобилизацию. И тут же включились процессы эскалации, военные расчеты подменили собой политическую волю — все боялись опоздать, позволить потенциальному противнику быстрее развернуть войска. Нечто подобное может произойти в момент какого-то острого политического конфликта и теперь. Дмитрий Тренин справедливо указывает¹⁴, что, будучи гораздо слабее Запада в этом новом противостоянии, Россия в случае конфликта станет действовать максимально быстро и постоянно поднимать ставки. То есть балансировать на грани ядерной войны.

В ходе очередного политического конфликта с Западом (подобного тому, который возник в результате украинского кризиса) Москва, желая продемонстрировать серьезность намерений, может объявить о введении все той же повышенной готовности ядерных сил. Только счет теперь уже будет вестись не на дни и недели, как это было перед началом Первой мировой, а на часы и минуты...

Все это усложняется тем, что, несмотря на постоянные разговоры о “вертикали власти”, Кремль так и не смог обеспечить внятное разделение функций политического руководства и военного командования. В настоящее время генеральный штаб осуществляет как стратегическое планирование, так и опера-

тивное управление вооруженными силами. Он возглавляет так называемый “военный ствол” управления вооруженными силами, осуществляет руководство всем, что касается собственно войск, их боевой подготовки и применения. Соединение функций стратегического планирования и оперативного руководства (последнее — прерогатива правительства) — серьезная ошибка, которую допускают все милитаристы.

Накануне Первой мировой войны генштабы великих держав объединили под своим контролем как стратегическое планирование, так и оперативное руководство войсками. Говоря попросту, один командный центр сам планировал, с кем воевать, в каких ситуациях начинаются боевые действия и как их надлежит вести, и сам же руководил войсками в ходе войны. В результате и монархи, и президенты оказались, по существу, заложниками своих военных планировщиков: как только были запущены механизмы всеобщей мобилизации, срок начала войны определяла не воля верховных правителей, а железнодорожное расписание, в соответствии с которым в районы формирования доставляли резервистов. В ходе Первой мировой войны генеральные штабы всегда настаивали на том, что военное решение любой проблемы — наилучшее. Например, немецкий генштаб несколько раз срывал попытки начать переговоры между противоборствующими сторонами.

Генеральный штаб, который берет на себя все управление вооруженными силами, неизбежно служит источником милитаризации всех сфер жизни государства. После окончания Первой мировой войны в странах, которые принято называть “цивилизованными”, функции генеральных штабов жестко ограничены и сводятся к военному планированию и предоставлению рекомендаций высшему руководству страны. Россия же, очевидно, не желает отказываться от моделей управления вековой давности. Такое разрастание функций “мозга армии” чрезвычайно опасно в нынешних условиях. В случае кризиса он предложит только те решения, которые сам же и сможет реализовать, то есть решения военные.

Милитаризм власти

Президент Путин самым замечательным образом соответствует описанию, которое Альфред Вагтс дал “гражданскому милитаристу”. Для такого лидера характерно

“безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображениям перед всеми другими. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях – в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и то, ради чего должны расходоваться главные ресурсы. Милитаристы презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т.д.”¹⁵.

Собственно говоря, именно война и была той мощной силой, которая вознесла Владимира Путина к вершинам власти. Российские граждане, напуганные вторжением чеченских боевиков в Дагестан и последовавшими за этим террористическими актами, взрывами домов в Москве и Волгодонске, поддержали того, кто обещал обеспечить нации безопасность. При этом Путин обещал сделать это наиболее понятным способом — с помощью военной силы.

Подобным образом военные операции — аннексия Крыма, “гибридные действия” на Донбассе, воздушные атаки в Сирии — обеспечили взлет популярности Путина в 2014–2016 годах.

Буквально с первых дней в Кремле в начале 2000-х Путин стал создавать централизованную систему управления. В представлении кремлевских руководителей власть монолитна в принципе, ее разделение рассматривается как ересь, принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

Однако, убрав сдержки и противовесы, сконцентрировав огромную власть, замкнув на себя принятие всех сколько-нибудь важных решений, лидер становится заложником той информации, которую он получает, а значит, и собственных секретарей и конфиденгов¹⁶. Более того, эта система государственного управления сама по себе превращается

в источник кризисов: любая идея лидера принимается к неукоснительной реализации без сколько-нибудь серьезной экспертной оценки. Ни он сам¹⁷, ни его приближенные¹⁸ даже не скрывают, что решение о “возвращении Крыма” было принято президентом единолично. Так же как и решение о военной операции в Сирии. В результате Россия ввязалась в конфликт, о котором в Кремле были весьма смутные представления. На ежегодной пресс-конференции 17 декабря 2015 года Владимир Путин 11 раз произнес “не знаю”, когда речь шла о сирийской операции¹⁹.

Еще одним следствием милитаризованного сознания современных российских руководителей является абсолютизация военной мощи. Десятки раз в самых разных обстоятельствах Владимир Путин и его приближенные объясняли свои неудачи именно отсутствием военной силы. Наиболее ярко это проявилось в реакции Путина на трагедию в Беслане:

“Слабых — бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее» другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей”²⁰.

В тепер уже далеко 2004 году упоминание о ядерном факторе казалось пережитком холодной войны, но на самом деле это было предвестием нового военного противостояния. К этому вела милитаристская логика: что бы ни делал Запад, его целью является закрепление превосходства над Россией; в рамках этой логики Запад мыслится как вечный противник и враждебность его намерений не нуждается в подтверждении.

Это представление об отношениях России с Западом Владимир Путин образно сформулировал на пресс-конференции, подводившей итоги 2015 года:

“Мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят

и подсвинок по тайге, а питаются ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания. Как только, не дай бог, это произойдет, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибираться. Ведь мы же почти от официальных лиц слышали многократно, что несправедливо, что Сибирь с её неизмеримыми богатствами вся принадлежит России”²¹.

Усиливающаяся тенденция к “милитаризации” противоречий неизбежно привела к тому, что главная фобия Кремля — страх перед “цветными революциями” — также обрела военное измерение. В представлении российского руководства любые попытки народов избавиться от собственных авторитарных правителей являются результатом заговора, инспирированного западными спецслужбами. “«Цветные» революции всё больше обретают форму вооружённой борьбы, разрабатываются по правилам военного искусства, при этом задействуются все имеющиеся инструменты”, — констатировал министр обороны Сергей Шойгу, выступая на международной конференции, организованной военным ведомством в 2014 году²².

Новая редакция Военной доктрины, подписанная президентом в конце 2014 года, прямо объявляет народные восстания новой формой военных действий²³. Так, в разделе “Основные внутренние военные опасности” отмечена “деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества”. Авторы доктрины описывают характерные черты современных военных конфликтов как “комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций”. Последнее особенно примечательно. Протестный по-

тенциал населения ставится на одну доску с действиями войск специального назначения вражеского государства. То есть граждане, которые заявляют, что им что-то не нравится в собственной стране, приравнены к вражеским диверсантам.

Еще одним признаком милитаристского мышления российской власти является “секьюритизация”. Опыт работы в спецслужбах как самого президента, так и тех, кто составляет его окружение, определяет их отношение к получаемой информации: тайную, закрытую деятельность они считают наиболее, а может быть и единственно важной. Та информация, которую можно обнаружить в свободном доступе, представляется им специально подготовленной врагами дезинформацией.

В этой ситуации каналы поступления информации неизбежно сужаются, а сама информация может восприниматься неадекватно. Если заслуживает внимания только то, что можно добыть агентурным путем, то важные процессы, которые вроде бы происходят на глазах у всех, могут пройти мимо тех, кто принимает решения. Именно так рождаются фантомы вроде того, что на пусковых установках ПРО в Румынии и Польше американцы “могут” разместить крылатые ракеты.

Преувеличение важности секретных методов управления оборачивается пренебрежением к любой гласности. Для Путина и его окружения то, что заявляется открыто, — это чаще всего обман, намеренное введение в заблуждение. “Я не смотрю на те заявления, которые делают наши партнеры для прессы. Я опираюсь на ту информацию, которая появляется в ходе наших личных дискуссий”, — заявляет президент²⁴. В рамках этих представлений внешняя политика оказывается прежде всего “делом королей” и сводится к личным, секретным взаимоотношениям между лидерами государств. Сущность и одновременно ограниченность такой политики проявила себя в истории с российским бомбардировщиком, который был сбит турецкими ВВС. Путин публично возмущался тем, что турецкое руководство не провело секретных переговоров с российским по вопросам, по которым возникли трения: “неужели трудно было

предварительно снять трубку или по имеющимся каналам сотрудничества между военными сказать: знаете, там мы разговаривали, а по этому участку границы не разговаривали, но здесь тоже есть наши интересы. Имейте в виду: просим то-то, или – не наносите удар. Никто же даже не сказал ничего!”²⁶. При этом незадолго до инцидента российский посол был вызван в турецкий МИД, где ему были высказаны все озабоченности в связи нарушениями воздушного пространства этой страны. Иными словами, нормальные дипломатические каналы даже не заслуживают того, чтобы обращать на них внимание.

Общая милитаризация сказалась и на общественных настроениях. Присоединение Крыма и война на Донбассе, сопровождавшиеся агрессивной телевизионной пропагандой, способствовали резкому росту государственного национализма. Одним из проявлений стала возросшая готовность воевать за отечество. Согласно опросу “Левада-Центра”²², 58 процентов населения (наивысший показатель за всю историю наблюдений) уверено, что стране необходима призывная армия. (Подробнее об общественных настроениях читайте в статье Льва Гудкова *“Механизмы кризисной консолидации”* в этом номере “Контрапункта”). Мало того, социологи констатируют, что война стала желанной для россиян, которые надеются, что таким образом будут разрешены сложности их нынешней жизни²⁷. Подавляющее большинство россиян считает, что страна окружена врагами, и верит, что армия способна отразить угрозы. Граждане страны, четверть века испытывавшие унижение от сознания, что Запад не желает считаться с Россией и пользуется ее слабостью, теперь испытывают гордость за ее военную мощь и восстановление национального величия (афганский и чеченский синдромы прошли, спустя десятилетия эти кровавые авантюры воспринимаются как героический эпос).

Милитаризация кадров

Наконец, милитаризация проявляется в непропорционально большом представитель-

стве отставных офицеров вооруженных сил и специальных служб среди государственных служащих. Современный милитаризм — это милитаризм правящей военно-полицейской элиты; в нашей стране он исходит в гораздо большей степени не от военных, пытающихся утвердиться в обществе, а от представителей военизированных, псевдовоенных, полицейских структур, которые сумели сделать карьеру в государстве. Вряд ли можно говорить об особой влиятельности военных или руководителей ВПК. Они влиятельны настолько, насколько могут предложить Кремлю внятные военные объяснения того, что происходит в мире, и возможные военные ответы на существующие вызовы, но военный истеблишмент (как и любой другой), судя по всему, не участвует в принятии окончательных решений (можно вспомнить, каким растерянным выглядел Шойгу, когда Путин объявил о выводе войск из Сирии). По крайней мере на сегодняшний день следует говорить не о военной “группе влияния” в России, а о серьезном влиянии милитаристских трактовок и готовности профессионалов подтверждать самые дикие из них или даже придумывать собственные.

Судя по всему, в Кремле исходят из того, что со времени, когда министром был назначен Анатолий Сердюков, вооруженные силы находятся под гражданским контролем (Сердюков не имел никаких дел с армией, кроме срочной службы после окончания института). В последующий период в Кремле, видимо, решили, что гражданского контроля даже слишком много. Хотя Сергей Шойгу не имеет никакого военного образования, Путин вернул ему звание генерала армии, которое было ему присвоено, когда он был министром МЧС. Шойгу часто появляется в военной форме; более того, при нем даже гражданские чиновники военного ведомства облачились в мундиры, украсив себя незаслуженными генеральскими звездами.

В действительности для осуществления гражданского контроля недостаточно, чтобы должность министра обороны занимал штатский. Оборонные министерства стран Запада по большей части состоят из гражданских чиновников, но еще важнее, чтобы министр обороны был не “главным генералом”, а полити-

ком. Само же министерство обороны должно стать ведомством, вырабатывающим оборонную политику, которая приводит оборонные потребности государства в соответствие с его возможностями. Его задачей становится перевод политических целей, формулируемых президентом, на язык конкретных военных приказов, которые выполняют генеральный штаб и оперативные военные командования. Пока что нет даже намека, что Кремль и нынешнее руководство министерства обороны считают необходимым такое переустройство.

Генеральские лампасы Шойгу означают, что он является главным генералом, и в этом кроется главная ловушка. Если министерство обороны остается военным ведомством, то министр обречен принимать не политические, а сугубо технические решения и нести за них ответственность. Таким образом он неизбежно становится заложником военных, которые эти решения готовят.

В России министерство обороны как было, так и останется одетым в военный мундир. Никто не ставит задачу воспитать сотни гражданских чиновников, компетентных в военном деле, а также новую породу генералов, которые будут готовы выполнять приказы любого гражданского министра, и не только друга президента.

Искусство тихого саботажа

За время президентства Путина удалось победить генеральскую вольницу 1990-х–начала 2000-х годов, когда военачальники позволяли себе высказывать собственное мнение зачастую вопреки позиции президента и верховного главнокомандующего. Однако в последние годы генералы, вынужденные держать рот на замке, в совершенстве освоили приемы саботажа тех решений высшего руководства страны, которые их не устраивают. Примером может служить реакция военных на попытки придать цивилизованную форму службе в резерве. Пока формы существования резерва не выработаны, а оборонное планирование опирается на некий “мобилизационный ресурс”, включающий едва ли не все мужское население страны, сохраняется возможность возвра-

щения к столь любимой генералами концепции массовой мобилизации.

Еще в 2013 году Владимир Путин подписал указ о проведении эксперимента по формированию мобилизационного людского резерва. Предполагалось, что по завершении срочной службы солдат добровольно подписывает контракт на пребывание в резерве и будет (невиданная в России вещь) даже получать скромную сумму; за это его будут регулярно призывать на учебные сборы в резервные воинские части, которые должны быть созданы при командованиях военных округов.

Генералы довели идею до абсурда, настояв на проведении “эксперимента” и обозначив при этом совершенно ничтожную численность мобрезерва — три сотни офицеров и 5 тыс. солдат и сержантов. Проблема в том, что, когда речь идет о резервистах, численность имеет принципиальное значение: только оперируя большими цифрами можно выяснить, сработает ли система формирования новых боевых частей в предвоенных условиях. Вскоре проект и вовсе положили под сукно, и уже в 2015 году Путину пришлось подписывать повторный указ о возобновлении бессмысленного эксперимента.

Похожая история произошла и с другой вполне разумной инициативой. В том же 2013 году Владимир Путин, при горячей поддержке Сергея Шойгу, предложил разработать такую систему армейской службы для студентов, чтобы те проходили ее не покидая стен родного вуза. Студенты в течение двух или полутора лет должны были один день в неделю посвящать военной подготовке. По завершении курса им надлежало пройти трехмесячные лагеря, после чего их должны были отправить в резерв в качестве рядовых и сержантов запаса без прохождения действительной военной службы. Согласно первоначальному плану, уже в 2016 году по новой системе должны были заниматься все желающие (Шойгу говорил о необходимости получать 80–100 тыс. резервистов в год). Вместо этого по данной программе в 2016-м обучалось лишь 22 тыс. студентов. Теперь представители военного ведомства — ничуть не смущаясь, что таким образом они корректируют заявления своего министра и верховного

главнокомандующего, — заявляют, что в программу будут включены лишь те вузы, в которых Минобороны будет “заинтересовано”.

Пока что Владимир Путин, по-видимому, уверен, что его авторитета, а также исполнительности Сергея Шойгу достаточно, чтобы контролировать армию. Но это иллюзия. Разумеется, Путину и Шойгу удастся держать военных в узде в том смысле, что угрозы военного переворота в России не существует. Но без подлинного контроля коррупция будет все сильнее разъедать военные круги, а средства, направляемые на вооруженные силы, по-прежнему будут исчезать неизвестно куда. Между тем обеспечением гласности вопрос о гражданском контроле отнюдь не исчерпывается. Парадоксальный факт: общество должно не только выполнить свою часть контракта, но и создать условия для того, чтобы военный мог выполнить свою. Гарантия, что офицер, которому общество доверило мощное оружие, не отдаст преступный приказ, в том и состоит, что он сознательно принимает законы, по которым данное общество живет. Очень немногие в военном ведомстве понимают, что от соблазна вмешаться в политику в момент кризиса военного может уберечь адекватное понимание того, что происходит в стране, а также понимание своей роли в государственном механизме.

Расчет Кремля на то, что личный контроль Владимира Путина может заменить гражданский контроль, рискует не оправдаться. Следует иметь в виду, что сейчас на командные

должности в вооруженных силах пришли те, чья военная карьера начиналась в 90-е. У них нет той абсолютной идиосинкразии к вмешательству в политику, которая была присуща офицерам, прошедшим советскую систему военного воспитания. В случае серьезного кризиса вооруженные силы, живущие мифологизированными представлениями о великом имперском прошлом, могут преподнести весьма неприятные сюрпризы. В Кремле исходят из того, что в России армия практически всегда сохраняла верность высшей власти — и царской, и советской, и нынешней, а российское офицерство испытывает глубокое недоверие ко всем политикам, как правым, так и левым, как к либералам, так и к националистам; однако подобное положение дел может измениться. Армия вновь, как в феврале 1917-го, для того, чтобы сохранить привычную организацию, может решить взять на себя ответственность за будущее России (отречение Николая II могло, по мнению командующих фронтами, восстановить порядок в армии).

Вмешательство армии в политику неизбежно обернется хаосом в ядерной державе и очередной российской катастрофой.

Возросшая эффективность вооруженных сил (не исключено, что временная), милитаристские стереотипы, под воздействием которых живет руководство страны, отсутствие гражданского контроля, милитаризованный патриотизм — все это делает возможными новые силовые авантюры Москвы.

Примечания

- 1 Слова Владимира Путина об участии российских войск в присоединении Крыма прозвучали в фильме “Крым. Путь на родину”, который был показан на канале “Россия 1” к первой годовщине присоединения Крымского полуострова к России. См. Кондрашов А. *Крым. Путь на родину [телевизионный фильм]* // Телеканал “Россия 1”. 2015. 15 марта. URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195 (доступ 10.08.2016).
- 2 Здания правительства и парламента Крыма захватили вооруженные люди в масках // Newsru.com. 2014. 27 февраля. URL: <http://classic.newsru.com/world/27feb2014/crimea.html> (доступ 10.08.2016).
- 3 ОПК: гособоронзаказ не вечен, что дальше? // Компетенции успеха. Центр экономического развития и сертификации — ЦЭС ИНЭС. 2016. 6 июля. URL: <http://profiok.com/about/news/detail.php?ID=3253#ixzz4Giv5lrpn>.
- 4 См. DANOPoulos C.P., WATSON C. *The political role of the military: an international handbook*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996. P. 143.
- 5 *Ibid.*
- 6 GIDDENS A. *The Nation-State and Violence*. Vol. 2 of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity Press, 1985.
- 7 VAGTS A. *A history of militarism: Civilian and military*. New York: Meridian Books, 1959. P. 13–15.
- 8 Поросков Н. *Неколькольные интересы России [Интервью с заведующим кафедрой политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета Василием Белозеровым]* // Независимое военное обозрение. 2016. 19 февраля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-02-19/12_interests.html (доступ 12.08.2016).
- 9 Литовкин В. *Противоядие для западных рубежей: чем РФ ответит на усиление баз НАТО в Восточной Европе* // ТАСС. 2016. 14 января. URL: <http://tass.ru/opinions/2586466> (доступ 12.08.2016).
- 10 *Российскую военную базу в Таджикистане переведут на бригадный штат* // ТАСС. 2016. 30 января. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/2627063> (доступ 12.08.2016).
- 11 Валагин А. *Гарантированное возмездие: как работает российская система “Периметр”* // Российская газета. 2014. 22 января. URL: <https://rg.ru/2014/01/22/perimetr-site.html> (доступ 12.08.2016). Именно на эту статью ссылался телеведущий Дмитрий Киселев, обещавший превратить США в радиоактивный пепел.
- 12 *Путин: мы могли привести в боеготовность ядерное оружие, защищая Крым* // Вести.ру. 2015. 15 марта. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2427105> (доступ 12.08.2016).
- 13 Интервью Владимиру Соловьеву // Президент России. 2015. 12 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50482> (доступ 12.08.2016).
- 14 GOLTS A. *From assurance to deterrence: the Russia question and NATO’s summit in Warsaw* // The Jamestown Foundation. 2016. July 11th. URL: http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=45617&no_cache=1#.V6nJfkhnvncs (доступ 12.08.2016).
- 15 VAGTS A. *Op. cit.* P. 453.
- 16 Например, Путин уже много лет говорит о том, что Соединенные Штаты стремятся разместить стартовые позиции перехватчиков системы ПРО поближе к российским границам, с тем чтобы уничтожать российские ракеты на начальном, разгонном этапе траектории. На самом деле концепция перехвата американской ПРО строится на совсем других идеях: вражеские боеголовки предполагается уничтожать на среднем участке полета. Еще в 2009 году работы по ракетному перехвату на разгонном этапе траектории были признаны бесперспективными и прекращены. Но заинтересованные чиновники не захотели сообщить об этом главнокомандующему. В результате переговоры по этой тематике (даже если допустить, что стороны подходят к ним добросовестно) сводятся к диалогу глухих. Такую же цену имеет теория о том, что американцы могут в какой-то момент заменить на стартовых позициях ракеты-перехватчики крылатыми ракетами с ядерными боеголовками.
- 17 Химшиашвили П. *Почему Крым наш: Как Путин уточняет свою версию присоединения полуострова* // РБК. 2015. 9 марта. URL: <http://www.rbc.ru/politics/09/03/2015/54fdb8879a79470d8658f970> (доступ 12.08.2016).

- 18 *Путин единолично принимал решение о присоединении полуострова, заявил Песков* // РИА “Новости”. 2014. 19 апреля. URL: <http://ria.ru/politics/20140419/1004642622.html> (доступ 12.08.2016).
- 19 *Большая пресс-конференция Владимира Путина* // Президент России. 2015. 17 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971> (доступ 12.08.2016).
- 20 *Обращение Президента России Владимира Путина* // Президент России. 2004. 4 сентября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (доступ 12.08.2016).
- 21 *Большая пресс-конференция Владимира Путина* // Президент России. 2014. 18 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250> (доступ 12.08.2016).
- 22 Тихонов А. “Цветные революции” — угроза миру // Красная звезда. 2014. 23 мая. URL: <http://www.redstar.ru/index.php/siriya/item/16225-tsvetnye-revoljutsii-ugroza-miru> (доступ 12.08.2016).
- 23 *Военная доктрина Российской Федерации* // Совет Безопасности Российской Федерации. 2014. 25 декабря. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/18/129.html> (доступ 12.08.2016).
- 24 *Интервью Первому каналу израильского телевидения* // Президент России. 2005. 20 апреля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22928> (доступ 12.08.2016).
- 25 *Большая пресс-конференция Владимира Путина* // Президент России. 2015. 17 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971> (доступ 12.08.2016).
- 26 *60 процентов россиян считают, что сейчас существует военная угроза со стороны других стран* // Эхо Москвы. 2016. 18 февраля. URL: <http://echo.msk.ru/news/1714916-echo.html> (доступ 12.08.2016).
- 27 Левинсон А., Гончаров С. *Война вместо будущего: решение для аномического сознания* // Вестник общественного мнения. 2015. № 3-4. С. 45-66. URL: http://www.academia.edu/21766138/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE_%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%B2%D1%8B%D1%85%D0%BE%D0%B4_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (доступ 12.08.2016).